

7. Зайцев, Б. Собрание сочинений : в 5 т / Б. Зайцев. – М. : Русская книга, 1999. – Т. 4 : О себе. – С. 587 – 592.
8. Лавров, В. В. Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции 1920 – 1953 гг. : роман-хроника / В. В. Лавров. – М. : Мол. гвардия, 1989. – 384 с.
9. Мальцев, Ю. Бунин: 1870 – 1953 / Ю. Мальцев. – Франкфурт-на-Майне; М. : Посев, 1994. – 432 с.
10. Михайлов, О. Н. Иван Шмелев : вступ. ст. / О. Н. Михайлов // Шмелев, И. С. Избранное / О. Н. Михайлов. – М. : Мол. гвардия, 1991. – С. 3 – 16.
11. Михайлов, О. Н. Литература русского зарубежья / О. Н. Михайлов. – М. : Просвещение, 1995. – 432 с.
12. Муромцева-Бунина, В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. – М. : Советский писатель, 1989. – 512 с.
13. Набоков, В. В. Собрание сочинений : в 4 т. / В. В. Набоков. – М. : Правда, 1990. – 4 т.
14. Письмо, А. Солженицына Шведской Королевской Академии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://pergam-club.ru/book/6394>. – Дата доступа : 08.01.2019.
15. Степанова, Н. С. Литература как форма инобытия творческой личности: к постановке вопроса (на материале автобиографической прозы первой волны русской эмиграции) / Н. С. Степанова // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2016. – Серия «Лингвистика и педагогика». – № 3 (20). – С. 103 – 110.
16. Степанова, Н. С. Антропологический дискурс категории памяти в автобиографических текстах конца XIX – первой половины XX века : монография / Н. С. Степанова, Н. З. Коковина, Е. А. Самофалова. – Курск : ООО «Учитель», 2012. – 246 с.
17. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М. : Высшая школа, 2000. – 398 с.
18. Шмелев, И. С. Автобиография / И. С. Шмелев // Русская литература / И. С. Шмелев. – 1973. – № 4. – С. 141 – 146.
19. Шмелев, И. С. Лето Господне / И. С. Шмелев // Избранное / И. С. Шмелев. – М. : Правда, 1989. – С. 283 – 670.

N. S. Stepanova
Southwest State University, Russian Federation
e-mail: ns-kursk@yandex.ru

The phenomenon of the native language in the autobiographical prose of the first wave of Russian emigration

Key words: native language, autobiographical prose, the first wave of Russian emigration, I. A. Bunin, V. V. Nabokov.

The article is devoted to research of the phenomenon of the native language in the autobiographical prose of the first wave of Russian emigration, which reflects the universal artistic experience, recorded in the cultural memory; which has a direct impact on the formation of style and artistic features and expresses the individual author's understanding of the nature of characters and phenomena.

УДК 81-26

Н. А. Туранина
Белгородский государственный институт искусств и культуры
e-mail: idb@bgiik.ru

Метафорическая репрезентация образа природы в женской поэзии начала XX века (лингвоэстетический аспект)

Ключевые слова: образ природы, художественный текст, метафоризация, репрезентация, женская поэзия.

В статье представлен анализ художественных текстов поэтесс Серебряного века и особенности метафоризации одной из уникальных сфер – живой природы. Лексико-семантическая репрезентация метафорических образов в поэтических текстах А. Герцык, З. Гиппиус, Е. Дмитриевой, С. Парнок, М. Цветаевой позволила выявить особое видение модели мира в контексте природы.

Серебряный век дал миру замечательные имена поэтов – женщин, внесших особый вклад в развитие духовности русской поэзии и русского общества. Живая природа – значимый и важный компонент русской языковой картины мира, отражающий особенности национального мировосприятия, идею единства всего живого на земле. Анализ тематических групп, представляющих метафорический образ мира поэтов Серебряного века, не только показал систему организации лексики, относимой к области-источнику, но и позволил выделить наиболее продуктивные, доминантные направления метафоризации, в рамках которой выявлены более узкие функциональные направления переноса значений. В связи с этим необходимо учитывать особенности мотивационных закономерностей, на которых базируется метафорический перенос в художественном пространстве А. Герцык, З. Гиппиус, Е. Дмитриевой, С. Парнок, М. Цветаевой и других авторов.

Для метафорических образов в поэзии начала XX века характерен существующий классический перенос мотивационных признаков, лежащих в основе метафоризации, с некоторыми дополнениями и уточнениями:

1. Физические: формативные, одоративные, цветовые, вкусовые, звуковые, временные, температурные, тактильные.
2. Конституциональные: наполненность, состав, состояние, строй, сущность, уклад, материал.
3. Функциональные: предназначение, цель, причина.
4. Реализационные: активность, значение, интенсивность, реакция.
5. Динамические: ритм, темп, протекание действия.
6. Квантитативные: доза, калибр, мера, количество.
7. Реляционные: место, положение, направление, близость, порядок, предел, расположение.
8. Субъективно-психологические, отражающие представление об общности тех чувств, переживаний, ощущений, которые вызываются у субъекта контактами с соответствующими объектами: чувства, переживания [2, 80].

В художественном дискурсе исследуемых авторов антропоцентризм проявляется весьма ярко и отчетливо. Активно включая в метафорические контексты наименования животных, растений и их частей, поэты изображают человека как часть природного мира, что является традиционным для мировой культуры, поскольку в процессе эволюции человек всегда осознавал свою связь с живой природой.

Лексико-семантическая репрезентация метафорического образа мира в текстах А. Герцык, З. Гиппиус, Е. Дмитриевой, С. Парнок, М. Цветаевой представляет сложную систему отношений между формой и содержанием, преломляющуюся в различных аспектах существования идиолекта, поэтому наиболее продуктивным является подход к анализу метафоры с позиций концептуально-тематической характеристики как главного (метафоризируемого) члена метафорической конструкции, так и зависимого (метафоризирующего) компонента. Данные компоненты в поэтическом языке исследуемых авторов выражены наименованиями различных тематических групп, однако в создании образной модели мира наибольшее предпочтение авторы отдают единицам, входящим в группы «Травянистые растения», «Совокупности животных и их части», «Деревья и кустарники», «Птицы», «Совокупности растений», «Части растений».

Флористические метафоры формируют значительный фрагмент авторской картины мира, в образной модели мира авторов они самые частотные. Как отмечает А. П. Чудинов, «фитоморфозные образы – одна из традиционных понятийных сфер отечественной <...> метафоры. В её основе лежат базовые метафоры, связанные с архетипическим восприятием мира <...> Старый дуб, родные берёзы и осины, русское поле и русский лес, луговые цветы – эти и многие другие образы уже давно используются как национальные символы» [3, 46].

Подавляющее большинство вегетативных метафор в поэтических текстах А. Герцык, З. Гиппиус, Е. Дмитриевой, С. Парнок, М. Цветаевой относится к антропосфере – сфере представления знаний о человеке и его жизнедеятельности. И это не случайно, поскольку метафора по своей сути антропоцентрична, человек в познании самого себя пытается как бы примерить на себя характеристики объектов окружающего мира. Так, уподобление человека растению является наиболее устойчивым элементом символического языка Ветхого Завета; оно представляет собой органическую часть общих библейских представлений о матери – сырой земле и ее антропогонических силах. В частности, потомство уподобляется растительному семени, гибель народа изображается как жатва или молотба. Эти же представления нашли отражение в фольклористике и в славянской книжности. В устной традиции, по замечанию С. М. Толстой, растительные представления и символы относятся как раз к индивидуальному человеку, к его телесной стороне, к его физиологии (в первую очередь к репродуктивной сфере), к его возрастным (отчасти также и к социальным) ролям и семейно-родовым связям» [1, 686]. Эта метафора занимает особое место в художественных текстах, материал которых позволяет проследить, как мифологическое становится культурно-эстетическим. Таким образом, характеризующая антропоцентрическая флористическая метафора захватывает все стороны личности человека: внешность, поведение, физические и психические свойства, социальные качества, мысли и эмоции.

Именно поэтому, как показывают результаты исследования, в роли метафорического компонента образа в художественном пространстве поэтов единого временного отрезка функционируют многочисленные члены тематических групп «Деревья и кустарники», «Травянистые растения», «Части растений», «Совокупности растений». Квантитативный анализ показал, что в роли метафоризируемого компонента наиболее частотными лексемами являются: **цветы, роза, дерево, листья, сад, сосна, трава, венок, поле, лес, береза, лилия, ветвь, ива, ель, стебель** и др.

для большинства растительных номинаций в языке поэзии исследуемых авторов характерны и единичные употребления: **астра, березняк, всходы, вяз, капуста, каштан, куст, мимоза, орешник, орхидея, плод, побеги, резеда, тополь, фиалка** и др.

Метафорический перенос *растение – человек* в поэзии А. Герцык, З. Гиппиус, Е. Дмитриевой, С. Парнок, М. Цветаевой, реализуя свои потенциальные возможности, репрезентирует различные значения и используется для изображения человека: внешности (соматизмы), поведения, чувств, эмоций. Например:

А коль тут презренье и страх, / Коли видишь меня красиво, / Заблудись в моих лесах, / Ожигайся моей крапивою (З. Гиппиус);

Помню руки от счастья слабые, / Жилки – веточки синева; Прозрачные миндалины ногтей / Торжественней жемчужин и рубинов; Ты – цветок от лилий вешних, / Дорогой алмаз (Е. Дмитриева);

Что меня к тебе влечёт – / Все не твоя заслуга! / просто страх, что роза щёк – отцветает; Пышно и бесстрастно вянут / Розы нашего румянца; Мы любили тебя – как могли, как умели; / Целый сад в наших душах бы мог расцвести; Браслет из бирюзы старинной – / На стебельке, / На этой узкой, этой длинной / моей руке; Пусть я лишь стебель, в светлый миг / Тобой, жалеющим, не смятый; / (Ты для меня цветник богатый, / Благоухающий цветник) (М. Цветаева).

Функционирование вегетативных метафор в идиостиле поэтов не только высоко-частотно, оно убеждает нас и в их архетипическом характере, и в глубинной связи с текстом Священного Писания. Перенос *растение – абстрактное понятие, связанные с библейскими мотивами*, помогает осознать духовное состояние поэта, трудные поиски веры и прозрения оккультного порядка. Например:

Как кротость лилий и пламень маков / Срывала тихо, рукою зрячей, / Свивая скорбно венок – молитву, венок – могилу, / Вплетая тесно с стеблями лилий / Свою свободу, своё незнанье; Что сказать, как начать, чтобы сердце унять, / Поискать ли

мне травы целебные? / Или сеять и ждать, и с зерном умирать, / Чтоб воскреснуть с колосьями хлебными; И вянут в горестном забвенье / Мои цветы – Его садов; Господь собирает дань с Своих садов; Я не знаю, что сделать надо, / Чтобы смертный мог / Принести из Божьего сада / Для себя цветок (А. Герцык).

В голубой небесной книге есть твоя стезя. / И на ней созрела жатва / Стеблем золотым, – / Пусть свершится Божья Клятва / Именем твоим; Я – лишь сосуд Господней клятвы, / Кому, кому себя отдам? / Я только – колос Божьей жатвы, / Да будет по твоим словам; Иди, иди, но не забудь, / Что к сердцу подступили слезы, / Что замолчали ты и я, / Провидя пламенные розы сердцу подступили слезы, / Божественного бытия (Е. Дмитриева).

Пусть жатву жалкую мне принесла страда, / Не колосом полны – полынью горькой – риги, / И пусть солгал мой Бог, я верю тверда, / Не уподоблюсь я презренному расстриге (С. Парнок).

Архетипическая метафора **корень** в славянской мифологии связывается с понятием рода, в контекстах М. Цветаевой реализуются потенциальные семы «порождение», «начало»:

Объявляю: люблю богатых! / За их корень, гнилой и шаткий, с колыбели растящий рану; Я знаю: не сердце во мне, – сердцевина / На всём протяженье ствола / Продольное сердце, от корня до края / Стремящее Рост и Любовь (М. Цветаева).

Наблюдения над функционированием группы слов названия злаковых культур (**всходы, зерно, колос** и др.) показали, что в поэзии А. Герцык метафорическое употребление данных лексем связано с библейскими образами. Для описания религиозных переживаний и трудных духовных поисков пути к Богу в разных метафорических контекстах отмечаем актуализацию следующих потенциальных сем: «порождение», «результат», «зародыш», «источник»:

Больше сказать не дано, / пало святое зерно; Знаю, раб я негодный, ленивый / Не сумела сберечь свой кров. / С трудовой твоей Божьей нивы / Не собрала плодов (А. Герцык).

Флористическая метафора оказывается универсальным средством создания образа поэтического творчества. Для номинаций, обозначающих творческий процесс, доминантным становится функциональный перенос **растение – творческая деятельность человека**. Автор должен слышать в своей душе словесные «семена», чтобы они звучали поэтической речью:

Я, кроме слов, не знаю ничего – / Играя, их сплестать причудливо венками; В ночи изринута / Из лона дремного – / Не семя ль тёмное / На ветер кинуто; Я не знаю, муки нужны ли крестные, / Чтоб семя к жизни прозябло новой (А. Герцык).

И этот росток стебля, / Воистину, первороден ... / Во мне, как во всем, дыханье, / Подземное колыханье, / Вскипающего стиха; Я закрыла глаза. – Закланья / Так покорно ждал Исаак, – / И тогда пало на душу семя / Огневое, – тогда обуян / Иступленьем последним, всеми / Голосами взыграл орган (С. Парнок).

Есть какое-то одно слово, / В котором вся суть. / Другие – сухой ковыль (З. Гиппиус).

В русской поэзии, и в художественном пространстве поэтов начала XX века в частности, образом деревьев принадлежит исключительно важная роль, что обусловлено и природными факторами, и фольклорно-обрядовыми традициями, и многовековым земледельческим укладом жизни. Конечно, не у всех пяти поэтесс Серебряного века образы деревьев представлены равномерно. Так у З. Гиппиус и Е. Дмитриевой они почти отсутствуют, зато ими изобилует поэзия А. Герцык, С. Парнок, а у М. Цветаевой есть целый стихотворный цикл «Деревья».

Функциональная направленность метафор, включающих наименование деревьев и кустарников в поэзии исследуемых авторов, сосредоточивается преимущественно на

описании природных явлений, характеристике личности человека в принципе и его духовного состояния. Например,

Клубясь, ползёт червивый / И дымный ворох туч. / Мертво рудеют ивы / Над желтью жарких круч (З. Гиппиус).

Христос сошёл в твои долины, / Где сладко пахнувший миндаль / На засиневшие стремнины / Накинул белую вуаль (Е. Дмитриева).

И берёза в проседи / не колышет; Тёмные ели к оленю / Простирают молитвенно лапы. / Я преклоняю колени / И закрываю глаза; От больших обид – душу знобит, / От большой тоски – песню пою. / Всякая сосна – бору своему шумит, / Ну а я кому – весть подаю; Сосны в сумрачной кумирне / Теплят воск зелёных свеч (С. Парнок).

Красною кистью / Рябина зажглась. / Падали листья, / Я родилась (М. Цветаева).

У М. Цветаевой есть стихотворный цикл «Деревья», в котором даётся многосторонняя и развёрнутая картина древесной жизни. Герои цветаевского «растительного романа» деревья – резко выраженные, ни на что не похожие индивидуальности, причём метафорический перенос *дерево – человек* имеет следующие модификации: характеристика личности человека, его физического и психологического состояния:

Дуб богоборческий! В бою / Всем корнем шествующий; Ивы – провидцы мои; Берёзы – девственницы; Вяз – яростный Авессалом, / На пытке вздыбленная / Сосна, – ты, уст моих псалом, / Горечь рябиновая / К вам! В живоплещущую ртуть / Листвы – пусть рушащейся! / Впервые руки распахнуть / Забрать рукописи (М. Цветаева).

Анализ номинантов живой природы, проведённый на материале поэтических текстов авторов-женщин Серебряного века, дал возможность выстроить целостные представления об особенностях художественного осмысления мира, о системных связях репрезентантов, возникающих на основе их тематической общности.

Литература

1. Толстая, С. М. Человек живет, как трава растет: вегетативная метафора человеческой жизни / С. М. Толстая // Сокровенные смыслы : Слово. Текст. Культура : сб. ст. в честь Н. Д. Артюновой / отв. Ред. Ю. Д. Апресян. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 685 – 693.
2. Туранина, Н. А. Современная женская проза : взгляд лингвиста / Н. А. Туранина. – Белгород, 2012. – 90 с.
3. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. – 2-е изд., стереотип. / А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2005. – 257 с.
Источники
4. Герцук, А. К. Из круга женского: Стихотворения, эссе / Аделаида Герцук. – М. : Аграф, 2004. – 560 с.
5. Гиппиус, З. Н. Собрание сочинений в 3-х томах. – М. : Русская книга, 2001.
6. «Sub rosa» : Аделаида Герцук, София Парнок, Поликсена Соловьева, Черубина де Габриак / Вступ. статья Е. А. Калло. Сост. и коммент. Т. Н. Жуковской, Е. А. Калло. – М. : «Эллис Лак», 1999. – 768 с.
7. Цветаева, М. Собрание сочинений: в 7 т. / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина – М. : Эллис Лак, 1994.

N. A. Turanina

Belgorod State Institute of Arts and Culture

e-mail: idb@bgiik.ru

Metaphorical Representation of the Image of Nature in Women's Poetry of the Early XX century (Linguistics Aspect)

Keyword: the image of nature, metaphorization, representation, female poetry.

The article analyzes the literary texts of the silver age poetesses and the peculiarities of metaphorization of one of the unique spheres – wildlife. Lexical – semantic representation of metaphorical images in the poetic texts by A. Gertsyk, Z. Gippius, E. Dmitrieva, S. Parnok, and M. Tsvetaeva allowed to reveal the particular vision of the world model in the context of nature.